

Сурдаш 19¹⁸/_I29

№ 64

50

Здравствуйте, дорогие мои!

Я решил написать вам сейчас, не дожидаясь вашего очередного письма, — так сказать, вне очереди. Дело, видите-ли, в том, что в текущем месяце я рискованно недобрал "двух писем до нормы": это зависит от боллиного, Филлиного, etc. поведения. А так как я знаю, что они отвечают не раньше, чем через месяц после отправки моего письма, и так как таковое письмо послано мною 28го декабря, и ответ, следовательно, выйдет не раньше 26 января, — то [какова фраза-то? а? Любои канцеляриет с 30-ти-летним старцем лопнет от зависти!]-то, говорю я, ничто мне не мешает порадовать вас внеочередным письмом. А еще раз — третий — напишу вам 25го числа. Надеюсь, что к тому времени буду уже иметь от вас ответ на мое, за № 62, письмо.

Просклоняв и процарапав "письмо" и "писарь" во всех видах, родах, падежах и позах, и выйдя в ужас от полного отсутствия всякого присутствия литературного стилиза в этих грамматических упражнениях — переход к очередным делам.

Проскае всем, — спасибо 30. декабря. Особенное спасибо за то, что вы "послушались" меня (и Лёву) и уменьшили сумму. Сидит это я и думаю: ну, что-бы им стоило пойти на такое уменьшение не к концу трех лет, а в самом начале? Как видно, каждое искусство требует некоторой выучки, некоторого срока "ученичества"; искусство письма — сокровище именно той суммы, которой они вполне могут обойтись — тоже, очевидно, требует такого [непредвиденного!] срока обучения... Как всё медленно делается в этом мире!

Значит, спасибо, дорогие мои, и не беспокойтесь, пожалуйста, насчет моего бюджета: он нисколько не пострадает в результате этого сокращения. Ведь книги я немедленно не отсылаю, (о чем я вам писал уже), а те расходы предостепенные, которые я долгие буду делать — не предостепенные из себя ничего серьезного: чайничек, тарелка, рамные "технические" мелочи ~~и т.д.~~ — всё это пустяки и стоит тоже пустяки, хотя в дороге и необходимо. Однако, оставши расходы отъездные — они пока еще не так необходимы.

Вы мне писали о том, что Болла перебралась на новое место жительства [извиняюсь, — как это место жительства может быть новым? А всё мой язык виноват: иногда я глупо непонятливо влезю

над ним, к нашему общему ущербу]. Я по-директивныменем
 и бизнес свои горячие поздравления по этому поводу — один
 забавен спросить: а какой же ее болтик, новый адрес? —
 Воспоминано упущение, и чтобы вас написать мне это в
 ближайшем письме. Благодарность последует. —
 Знаете, я перечислял почти всею тегов, тамов 20. Там
 есть и зрелие вещей его, и зеленые, и совсем ученические,
 еще из "Стрекозы". Читается, и диву даешься; какая очу-
 ная работа над собой понадобилась, чтобы отточить писатель-
 ский талант до степени этих маленьких вещей, каждая
 из которых законченной шедевр! И вот, рискуя ^{своим} талантом
 в число чеховских творцов, я нарисовал на такую гениальную
 мысль: если начало писательского творчества так безмерно
 дарит и великих мира писательского, — то не значило ли это
 что чужий — есть лишь максимумно-развитые способности, заложен-
 ные в каждом среднем человеке? Вы мне! Не устал я
 "предисловием": покойный Трудон, сказал про-че самое
 лучше и — главное — равное. Впрочем, из нас двух — только
 один — Трудон. Иди, после этой выдумываемой гениальной мысли
 Поистине, не только весь земной шар заселен и поделен, но
 и все человеческие мысли разораны по рукам, изобретены
 и запатентованы, и нам, несчастным Эпилогам, остается
 играть роль поздних гостей, пришедших к шалочной работе.
 Хотя, есть еще чудачки, думающие, что существуют неис-
 испаемые бездны мысли. Вот, например, Альберт Эйнштейн:
 Он написал новый труд, плод десяти лет работы, трактующий
 об электро-магнитном поле — и вся теория, обещавшая еще
 один переворот в физике, уместилась у него на 5 страницах!
 Итого, значить, по два года на страницу... М-да-а!! Он не
 рискует, очевидно, кем-то из открытий о "предисловии"...
 Трижды к ~~каким-то~~ ^{исключительно} обратному умозаключению после инци-
 дента мало с Трудонам, я обратился к той книжке, которую
 мне давно привезли, и которую я уже достаю: я гово-
 рю об Анти-Дюжинге Ф. Дилемме. Я вижу, что вы "вне
 себя" от времени узнаете, какого я мнения об Дилемме... Но
 уже пишется вам обещать, куда я кончу книжку: я
 не из народа тех рецензентов, которые... и т.д. и т.п., — я из
 другой породы. И теперь, чтобы тем меньше вам все те
 мысли, которые неосознанно встывают у меня в связи с

Анти-Дюжингом, я дал себе чрезвычайно труд себе
 писать, не зная-ли эти мысли ~~каким-то~~ кем-нибудь уже
 высказаны: в 25 лет трудно умишляться с мыслью о чехо-
 даестве всего сущего и о глупе светлых умов ума. —
 Ну-с, во всем остальном я не рыкаюсь и не уде-
 ду не свечусь достижений: английский язык, к примеру,
 выдумал задолго до меня, тут ничего не поддается, и пишу
 сь только учить готовое, что я и делаю. Да, кстати: недавно
 прочел в газете восторженную рецензию о новом англо-
 русском словаре, выпущенном "Советской Энциклопедией":
 1. 325 страниц, ценою шестидесяти, объяснение, толкование
 идиоматика, математика, физика... т.д., заложены! В общем —
 библейское чудо, не словарь, а учебник, не учебник, а
 руководство, и даже больше того! Но что я скажу? И что она
 мне? Когда словарь стоит 3 р. 50 коп., тогда никакие рецензии
 не помогут. Да, последнюю рубашку подарю-бы, но только работать!
 Первым делом скрути-бы все имеющееся в мире ^{словарей} всех
 языках туда и обратно. Вторым делом... Впрочем, все это
 счета счет и томление духа! Даже если я и подарю послед-
 ную рубашку — все равно не работать, так уже на роду написано.
 А тем паре, что пока я черчаю обхожусь без словаря:
 у меня есть несколько английских книжек, снабженных
 собственным словарем, — учебные книжки для чтения.
 Уми я и занимаюсь теперь и не без успеха. А дома —
 читал недавно французский роман, вышедший в Пари-
 же, в 1916 году, под многообещающим заглавием: "Душе
 любовницы во время войны". Немножко сенсационно-
 ности, капля перноградки, все это устроено замешано
 патристичным и некаперио к "богам", захват одобрено
 двумя-тремя доподремельными сенсационными — и благо-
 готово: оградивший желтой бумагой вышедший роман, вышедший
 ний 11 изданий!! Вот вам "культура гнилого Запада!"
 — Успокоившись после чтения высоко-груданского
 негодования, изобразил описание своего выдуманного
 дела. Впрочем, что-же собственно описывать? Как будто и
 ничего. Врешь, "целовоудрага" — это основное и самое
 важное. А драма, в которой это совершается — не так уже
 важна: я и в вопросах искусства не принадлежу к фор-
 мальной школе, а чем более в вопросах искусства
 жизни: тут важно в первую голову — содержание.
 Как выдох, я отяж какою заложившаяся, нечаян-

5105

- и вы я человек! Подвержен философии, вернее - философствованию. Почему, видно, на роду писано предаваться научной мысли - рассуждению о высоких материях.
— Во избежание его и кончая письмо. Если оно на сей раз вышло короче, пустей и легкомысленней, чем обыкновенно, — то виной тому его внеочередность. А повод — для вас, некоторым образом родичей моих, эта повесть. Космическая не является ведь вновь открытой Америкой?
— Итак, будьте здоровы и здоровы. Тепло обнимаю вас и целую. Привет всем родным

Ваш
Вольф

